

Андрей Васильевич, на улице дождь — как настроение?

— Думаю, как у большинства россиян. Ощущение не покоя, тревоги. Трудно на чем-то сосредоточиваться, когда непонятно, чем грозит тебе жизнь.

Правда, паники никакой нет. Очень медленно, уродливо, но все, надеюсь, движется к лучшему.

— А когда вы впервые ощутили тревогу?

— Как только начал себя сознавать. Я родился в стране, которую Богу угодно было избрать для непредсказуемых экспериментов. Тревога видоизменялась — то появлялись, то исчезали надежды... Вообще, вы же сами все понимаете.

Интонация сомневающейся, с которой произносит Мягков каждую фразу, тихий голос и абсолютно неагрессивное мышление позволяют угадывать в нем черты сыгранных им персонажей.

Чуть позже, впрочем, он категорически опровергнет такое отождествление. Но все равно, не сыграв откровенных героев или злодеев, не снявшись в нашумевших телесериалах, он безоговорочно популярен благодаря как раз этой незлобности своих ролей. Его герои — маленькие, кроткие люди, желающие единственного: обрести свое небольшое счастье; что принесет им равновесие внутреннее и уберечь от полной затюканности.

Я не верю в стопроцентное профессиональное лицедейство, и, думаю, Мягков немного лукавит, говоря об абсолютной непохожести на своих героев. Он слишком хорошо их сыграл.

— Андрей Васильевич, а вы ведь могли и не стать актером. Закончили-то первоначально Ленинградский химико-технологический?

— Действительно, вся родня у меня — техническая интеллигенция. Но Ленинград конца 50-х — это возглавляемый Товстоноговым БДТ. Я увлекся этим театром как зритель, но фанатично. Кроме того, в институте был драмкружок, в котором я активно участвовал. Мы даже гастроллировали летом. И когда в Питер приехала выездная комиссия из МХАТа, у меня возникло желание познакомиться. Иллюзий я не строил и потому особенно не волновался: примут — так примут, нет — значит нет. Приняли...

— Дальше все протекало безобидно или случались депрессии, провалы?

— Нет, их не было. Мне везло. Первым театром, где я оказался после окончания мхатовской школы, стал "Современник". Ефремов и замечательный коллектив единомышленников — лучший, на мой взгляд, театр того времени. Я много играл, у меня не было творческого голода, невостребованности.

— Думаю, и в кинематографе вам грех жаловаться на фортуны?

— Так уж получилось, я почти не имел второстепенных или эпизодических ролей. Но не потому, что я такой великий. Просто меня в кино всегда интересовало соавторство, сотрудничество с режиссером, когда можно, если что, и сценарий изменить. В эпизодической же работе затрачиваешь очень много энергии, а отдача невелика и для совместного творчества возможностей нет.

— Назовите последний свой фильм, о котором вы могли бы сказать, что он вас полностью устраивает.

— Таких фильмов у меня немного. Наверное, это "Послесловие" Марлена Хуциева, "Летаргия" Валерия

Ланского, "Утренний обход" Аиды Манасаровой, безусловно, огромное наслаждение принесла работа с Эльдаром Рязановым.

— Если честно, почему вы решили сниматься в только что появившемся на экранах фильме Леонида Гайдая "На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди"? Из-за денег? Из-за поездки в Америку? Или... Ведь эта работа явно не из ряда "Жестокое романса", "Служебного романа", "Летаргии"...

— В Америке я до этого был уже дважды. Поездка туда с кинематографической группой меня нисколько не манила, ибо знаю, что такое подобные экспедиции — на экскурсиях они совсем не похожи. Деньги тоже небольшие, точнее, почти полное их отсутствие: только суточные, на которые особо не разгуляешься. Другое дело, когда снимаешься у западного режиссера, но мне не приходилось...

Причина иная. До этого я долго не снимался — года

добрый человеческих чувств.

Есть там, конечно, и иные категории людей, типа "одесской мафии", чьи стремления просты и понятны. Они, возможно, и вправду счастливы, но я говорю о других. О тех, кто, несмотря на проживание в разных городах: Бостон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, отличается друг от друга лишь степенью отчаяния и нежелания бороться. Ностальгия побеждает их, хотя некоторые и говорят, что не подвержены этой "болезни".

— А нет ностальгии по тому кинематографу, в котором выросли вы? По советским фильмам 60-х — 70-х годов?

— Есть, но не потому, что в нем сформировался артист Мягков. Просто оторопь берет от большинства сегодняшних картин. Кажется, я чего-то не понимаю в мире, хотя думаю, что к пятидесяти годам уже начал кое в чем разбираться. Но если на экране существует та-ко-е кино — я теряюсь.

признак времени. Я и сам на два года уходил из театра, работал в кино, сам начинал снимать фильм, пробовался как режиссер в другом театре. Это прошло, когда мне стало скучно, что-то не устраивало. А бороться я не пытаюсь — просто ухожу в сторону.

Что касается дискуссии о художественном направлении Ефремова... Я не хочу в нее вдаваться. Если бы оно меня не устраивало, я бы давно ушел в другой театр. В свое время Любимов звал меня на Таганку. Я даже участвовал в нескольких репетициях "Обмена" по Трифонову, но понял — не мое. Хотя творческие опыты этого театра были мне бесконечно интересны. Я остаюсь приверженцем реалистического направления и благодарен Ефремову за то, что он не изменяет ему в угоду времени.

Мне тоже казалось, что "Горе от ума" выбрано ошибочно, что успеха не будет. Я работал на репетициях с удовольствием, но и с сомнени-

шоу, конкурсах не хочу. Мне это неинтересно. Тем не менее по телевидению я подобные программы иногда люблю посмотреть. Мне интересно узнавать в них знакомых.

Как я поведу себя в дальнейшем? Не знаю. Конечно, если костлявая рука голода настолько схватит за горло, что придется изменить своим желаниям, возможно, выступлю в чем-либо подобном. Но пока мне не хочется об этом думать.

— Андрей Васильевич, давайте завершим наш диалог чем-то вроде блица, не возражаете?

— Ради Бога.

— Когда вы ощутили славу?

— Ее нет. Есть узнаваемость, которая появилась, безусловно, после "Иронии судьбы..."

— Вы похожи на кого-либо из сыгранных вами героев?

— Нет, не похож. Совсем не похож. Даже близко ничего нет.

— У вас есть хобби?

— Мне кажется, если у человека есть любимая профес-

— У вас много друзей? — Друзей много не бывает, но они есть.

— Вы читаете детективы?

— Да, я люблю их читать и не стесняюсь этого. Конечно, мне нравятся не все, многие я не дочитываю, но, в принципе, жанр этот считаю привлекательным. Сейчас, кстати, у меня лежит очень интересный сценарий десятисерийного фильма, основанный на материалах, связанных с исчезновением золота КПСС, и который я хочу в том или ином качестве (актер или режиссер) осуществить. Правда, необходимы спонсоры. Вот, может быть, когда все обменяют старые купюры на новые и решат, кто жулик, а кто нет, удастся кого-нибудь найти.

— А кто жулик?

— Не знаю и знать не хочу. Но вообще-то, если финансовые операции в стране проводятся без ведома министра финансов, — это жульничество.

— Ну вот мы и политики коснулись...

— А как ее обойдете?

— Ваши взгляды существенно эволюционировали за годы гласности?

— Мне повезло с родителями. Я с детства знал, что Сталин — плохо, большевики — плохо, социализм — катастрофа. Годы перестройки не принесли мне каких-то особых открытий. И я не верил различным известным людям — писателям, ученым, государственным деятелям, — которые клялись, что не знали, не понимали, что кроется за делами КПСС. Все всё знали, но поддакивать было легче. Так и нужно говорить. Мол, знал, теперь каюсь или не каюсь, а что-то там еще. Мне в те годы лишь было жалко, что не застану время, когда все назовут своими именами.

— Вы участвовали хотя бы в одном митинге?

— Никогда. Митинг — это мышление баранов, какой бы окраски он ни был. Я не люблю массового сознания.

— У вас, конечно, нет свободного времени?

— Напротив, у меня его масса, и это меня тяготит.

— Вы пересматриваете свои фильмы?

— Нет. Это не большое удовольствие. В свое время я их видел.

— Сегодня очень популярно работать в антрепризах. Вы, кажется, этого еще не делали, а есть предложения?

— Есть.

— Вы от них отказываетесь?

— От одного пока нет.

— Андрей Васильевич, месяц назад вам исполнилось 55. Что это — старость?

— Эх... да, конечно, старость, что говорить. Хотя, с другой стороны, это не возраст. Когда-то я смотрел на 60-летнего человека и думал: каким я буду к этому моменту? А сейчас вижу, что ничего во мне не изменилось, ну ничего. Как мыслит, хотел, существовал 25 — 30 лет назад, так и сейчас.

— В каких красках вам видится ваше будущее?

— Я в живописи очень люблю импрессионизм. Люблю пастель с яркими вкраплениями — Сера, Матисс. Поэтому и в жизни жду красивой пастели с очень яркими или мрачными вкраплениями. Последние тоже необходимы — как противоядие.

Беседу вел Михаил

МАРГОЛИС.

Фото Светланы

ЕРИКЛИНЦЕВОЙ.

Андрей МЯГКОВ:

Я НЕ ПОХОЖ НА ТЕХ, КОГО СЫГРАЛ

Летом в Москве актеров мало: кто на гастролях, кто на съемках, кто на отдыхе. Набирая телефонный номер Андрея Мягкова, я, честно говоря, почти не надеялся застать его дома. Но мне повезло, даже вдвойне. Неохотно контактирующий с журналистами Мягков на сей раз запросто согласился на интервью. И через несколько дней мы встретились в полумраке (сезон откроется только в сентябре) дремлющего мхатовского фойе.

три. Не было возможности пересилить себя и хотя бы начать вникать в тот литературный материал, который предлагался. А сценарий Аркадия Инина представился мне достаточно бесхитростным, незлым. Появилась возможность попробовать себя в острохарактерных ипостасях — сыграть Брежнев, Хрущева, Сталина...

— Да, после Ленина в "Надежде" осталось только их...

— Нет, Ленин в "Надежде"

— это совсем другое, грехи молодости. А здесь сценарист смотрел на наше прошлое приблизительно тем же взглядом, что и я, — без ненависти, но с иронией. Мне показалось это интересным.

Хотя, конечно, я не ставлю эту работу в один ряд с перечисленными раньше. В ней отсутствовало сотворчество, я просто шел за режиссером.

— Съемки проводились на Брайтон-Бич. Название этой улицы ныне хорошо известно большинству наших сограждан. Как она вам показалась?

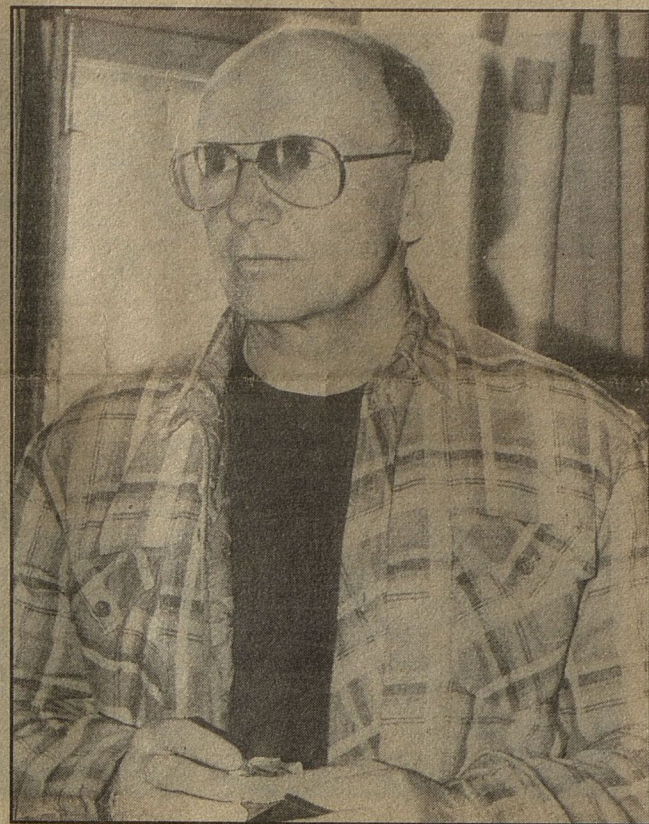
— Брайтон-Бич, на мой взгляд, отражение эмиграции как таковой. А эмиграция, будь она добровольная или вынужденная, всегда трагедия. Это переселение живого организма на чужую для него почву. Полного приживания не получается. Сколько бы ни старались многие из эмигрантов казаться счастливыми, по большому счету, они все равно несчастны. Им постоянно приходится вести борьбу за выживание, изменения в процессе борьбы даже свои человеческие качества. Не раз я встречал в Америке людей, которых раньше знал совсем другими. А сегодня борьба вытравивала из них множество

Впрочем, полагаю, нынешний скороспелый американизированный кинематограф уйдет — он не в ментальности российского зрителя. Вот недавно еще раз посмотрел по телевизору "Июльский дождь", "Калину красную"; такие фильмы, конечно, вызывают ностальгию.

— Каким видится вам сегодняшний МХАТ? Порою кажется, что он — просто здание, куда приходят на работу молодые артисты и большие "звезды", посвящающие большую часть времени различным проектам на стороне. Миропинченко — заместитель министра, Калитин — главный режиссер театра, Табаков — руководитель собственной студии и т.д. Много споров при выборе пьес. Вспомните ситуацию с "Горем от ума", когда еще не рожденный спектакль уже обрекали на провал, говорили, что Ефремов делает что-то не то и не так.

— Вопрос очень сложный, хотя, задавая его, вы уже кое на что ответили. Действительно, многие актеры театра пытаются вновь кем-то стать, ищут новые амплуа. Раньше мало кому из артистов приходило в голову ставить фильмы, спектакли, открывать студии, наверное, их устраивало качество своего существования в театре. И сегодняшние метания — плод неудовлетворенности.

И ведь, кажется, хорошо, что люди, набравшиеся какого-то опыта, пытаются начать новое дело. Но, к сожалению, пока еще так много желаемого выдается за действительное, так много сырого материала выносятся на показ. Вероятно, сие —

ем в положительном итоге этой работы. Однако прав оказался Ефремов, и после явного спада зрительского интереса во МХАТе снова начались аншлаги.

— За последнее время вы много отказывались от предложенных вам ролей?

— Да, у меня есть прекрасная возможность выбирать. В театре, конечно, сложнее. Назначению на любую роль предшествует беседа с главным режиссером, и нередко попытка отказать расценивается коллегами как желание поставить себя выше других. Впрочем, и в этом мне везло — в мое положение, как правило, входило.

— Существуют какие-то принципы, через которые вы бы никогда не переступили, которые не позволяли вам согласиться на то-то и то-то, например выступить "свадебным генералом" в какой-нибудь презентации, шоу?

— Существуют. Я не люблю околотеатральных тусовок. Людей, участвующих в них, несколько не упрекаю. Но сам принимать участие в различных презентациях,

любое его увлечение так или иначе на нее работает. Я читаю хорошую книгу, путешествую, смотрю прекрасный спектакль — и все это рождает состояние, после которого безумно хочется работать.

Вообще, на мой взгляд, в жизни есть лишь две вещи — работа и любовь. А! Еще сон! Когда мы уходим и от того и от другого.

— Вы бываете на улице?

— Бываю, но с момента выхода "Иронии судьбы..." это довольно трудно. Мне поначалу нравилась моя узнаваемость. Иногда я стоял в окружении студентов (когда еще преподавал) и кто-нибудь на улице ко мне подходил, здоровался или просил автограф. Это тешило тщеславие, поднимало авторитет. Но вскоре я понял, что липил к тем самым возможности спокойно путешествовать по российским городам. Именно поэтому приятно бывает иногда оказаться за границей, где можно идти и спокойно смотреть в глаза прохожим. А в Москве я стараюсь как можно реже выходить из машины.